

**ИЗ ИСТОРИИ СОПЕРНИЧЕСТВА РОССИИ И АНГЛИИ
ЗА СРЕДНЮЮ АЗИЮ (КОНЕЦ XIX-НАЧАЛО XX ВВ.)**

Динашева Лазат Сарсенбековна

*канд. ист. наук, доцент МКТУ имени Х.А. Ясави,
Республика Казахстан, г. Туркестан
E-mail: Dinash_lyazzat@mail.ru*

*Абдурахманова Нодира Шакировна
магистрант МКТУ имени Х.А. Ясави,
Республика Казахстан, г. Туркестан*

**FROM THE HISTORY OF RUSSIA AND ENGLAND' S RIVALRY
FOR CENTRAL ASIA (END XIX AND EARLY XX CENTURIES)**

Dinasheva Lazat

*Candidate of Historical Sciences,
Associate professor of H.A. Yassawe International Kazakh-Turkish University,
Kazakhstan, Turkestan*

Abdurakhmanova Nodira

*Master's Degree Student, H.A. Yassawe International Kazakh-Turkish University,
Kazakhstan, Turkestan*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются причины возникновения и усиления соперничества Великобритании и России за Туркестан. Борьба двух империй за Среднюю Азию, продолжавшаяся около 40 лет, завершилась соглашением между ними. Правда, без учета национальных интересов этого региона.

ABSTRACT

The article deals with causes of occurrence and strengthening of rivalry between Great Britain and Russia for Turkestan. The struggle, which lasted for about 40 years,

between two empires of Britain and Russia for Central Asia ended in an agreement between them. However, without taking into account the national interests of the region.

Ключевые слова: Средняя Азия, Россия, Англия, борьба, торговля.

Keywords: Central Asia, Russia, England, struggle, trade.

Завоевание Средней Азии, в которую географически входили территории юга Казахстана, для России не только имело и не столько ценность в торгово-экономическом отношении, сколько определялось положением этого региона, говоря современной терминологией, в геополитическом значении во всем центральноазиатском пространстве. За 20 лет (1864—1885) русские войска продвинулись в глубь Средней Азии. Это поступательное движение состояло из двух этапов: а) на исходе 60-х годов в верховьях Сыр-Дарьи сомкнулись Оренбургская и Западно-Сибирская линии; б) Завоевание Закаспийской области стало апогеем среднеазиатских войн России. Вот здесь и столкнулись интересы двух держав.

Пораженческий для России исход Крымской войны не снял, а наоборот, актуализировал значение среднеазиатских территорий в контексте англо-русской борьбы на Ближнем и Среднем Востоке. Среднеазиатский плацдарм приобретал весомое значение против английской опасности, ставшей реальной после прочного утверждения Великобритании в Индостане. Кроме того, Турция стремилась объединить усилия Коканда, Хивы и Бухары для их выступления единым фронтом против России. Вместе с тем постоянные войны между ханствами, слабость их феодальных государственных образований были выгодны для соседних государств. Туркестан еще в XVIII веке служил объектом агрессии Ирана и Китая, а в XIX веке наибольшую опасность для среднеазиатских государств представляла агрессия со стороны колониальной Англии [3, с. 578].

Взаимоотношения между Англией и Россией особенно обострились на почве соперничества за владение среднеазиатскими землями. Англия сумела

вытеснить русское влияние на Балканах, вела борьбу на Кавказском плацдарме и в Передней Азии. Начиная с 40-х годов XIX века взоры англичан направлялись на Бухару, Коканд и Хиву. Несмотря на поражение в Крымской войне, царское правительство стремилось укрепиться в Туркестане, не допустить проникновение Англии в этот край. Еще в 1847 году Министр иностранных дел России К. Нессельроде в служебной записке на имя Николая Первого писал следующее: «Вообще нельзя упускать из вида, что, во-первых, сии киргизы покорились России добровольно, что самое уже требует большого к ним снисхождения, а во-вторых, и это главное, что цель наша в отношении к Большой орде [речь идет о Старшем Жузе — А.И.] есть не приобретение нескольких лишних поданных и извлечение из сего каких-либо денежных выгод (не могущих, впрочем, быть значительными), а подчинение сей Большой орды влиянию России для видов торговых, установления, следовательно, там желаемой тишины и спокойствия и чрез это самое установление безопасных торговых путей для распространения нашей торговли с Западным Китаем, в особенности с Кашгарией и с частью Средней Азии» [6, с. 335]. В эти задачи завоевания новых земель на юге Казахстана и в Туркестане в целом не входили походы в Индию. Царское правительство стремилось поставить оплот завоевательным стремлениям Англии. Для такого беспокойства у Санкт-Петербурга были веские основания: Англия продвинулась из Индии до Лагора, поставила своего комиссара и распространила свое влияние на Герат. Далее предстояло перейти Аму-Дарью.

По результатам «научной» экспедиции во главе с Ханыковым в Афганистан, дипломатической — во главе с Игнатьевым в Хиву и Бухару, поручика Валиханова, пробиравшегося из Верного в Кашгар под видом торговца [7, с. 3] стали формироваться реальные планы продвижения России к южным широтам. За этими шагами России внимательно и с тревогой наблюдали в европейских столицах.

В высоких кабинетах Лондона военно-политические вопросы Среднего Востока и Туркестанского края были в числе наиболее важных

и следовательно, постоянное внимание находили в правительстве и буржуазных кругах Великобритании. Действия англичан в этом регионе в 70—90-х годах XIX века достаточно отражены в европейской исторической литературе. Мы обратимся к многотомным исследованиям французских авторов [4]. Чтобы не утомлять современного читателя подробностями взаимоотношений Англии и России по поводу Афганистана, а также среднеазиатских ханств, скажем кратко. С первых шагов вступления в должность министра иностранных дел России (июль 1856 г.) А.М. Горчаков стремился пресечь или ограничить завоевательные устремления Англии, Франции, Австрии и Пруссии.

Англия открыто шла к установлению своего господства до берегов Аму-Дарьи, стремилась единолично контролировать и направлять события в странах правого её берега. В 1878 г. афганского эмира Шир-Али посетило русское посольство. Тотчас к нему было послано английское посольство, но он отказался допустить последнее на свою территорию, тогда три английские колонны вторглись в Афганистан через проходы Хайбар, Курам и Болан. Шир-Али бежал в Туркестан, где и умер. Его сын Якуб признал за англичанами установленную границу и право держать в Кабуле резидента для надзора за афганской внешней политикой. Успехи России в Средней Азии, занятие русскими войсками Мерва (Мары, Туркмения) страшно взволновали англичан. Армия Великобритании была доведена до 215000 человек, в том числе 74000 европейцев [5, с. 160]. В 1885 г. после битвы на реке Кушка, где генерал Комаров разбил афганцев наголову, королева Виктория написала Александру III, по наущению кабинета, собственноручное письмо с довольно прозрачными угрозами [5, с. 161].

Вообще-то надо заметить, что продвижение российских войск в Средней Азии, следовательно, расширение российских владений в 60—70-х годах XIX века, завоевание Туркмении в 80-х гг. всегда болезненно воспринимались на берегах Темзы. Правительство Англии тогда придерживалось «наступательной политики». Так, 13 февраля 1878 г., в день открытия

Берлинского конгресса по Балканским вопросам, 6 английских кораблей под флагом адмирала Горнби появились перед Константинополем с инструкцией начать бомбардировку русских войск, если они вступят в город. Около двух месяцев дело было на волосок от войны [4, с. 72]. Тем же целям служили английские военные экспедиции на северо-западной границе Индии в конце 80-х начале 90-х гг. XIX века, т. е. «предпринятые в пользу английской наступательной политики» [2, с. 430]. На этот же период приходится усиление английских вооруженных сил, определение их предназначения, а именно: «сухопутные силы Англии обязаны охранять английские интересы во всех частях света — оборонять от врагов внутренних и внешних, защищать колонии, производить новые присоединения» [10, с. 78]. Иначе говоря, обеспечивать английские экспансионистские планы. Для войны в Европе, для обороны Индии и колоний, для частных экспедиций английское правительство имело 328 тыс. военнослужащих. На случай могущей внезапно возникнуть необходимости отправить за границу небольшой экспедиционный отряд для защиты колониальных владений империи содержалось в полной готовности к посадке на суда 10 батальонов пехоты, четыре полка кавалерии, шесть батарей при 30 полевых орудиях, 3 инженерных роты и 7 обозных рот общей численностью 21 тыс. человек [10, с. 79].

Таковы некоторые штрихи колониальной политики Великобритании в истории международных отношений последней четверти XIX столетия. Это был период обострения борьбы за раздел мира, переросшей в передел колониальных владений. Усиливалось соперничество держав за экономическое, политическое и военно-стратегическое превосходство. Возникали разнообразные формы зависимых государств, в политическом плане и формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями и условиями финансовой и военно-дипломатической зависимости от богатых и сильных стран.

По оценке английского правительства, Российская империя непрерывно приближалась к границам Индии, стремилось активно влиять на положение дел

и обстановку в Индостане. По-видимому, исходя из этой оценки Англия всячески затягивала переговоры по российскому предложению об открытии русского консульства в Бомбее. Официальная переписка между Санкт-Петербургом и Лондоном длилась около 40 лет, несмотря на то, что по торговому договору с Великобританией от 12 января 1859 г. России представлялось право «назначать консулов в пределах Англии и ее владений» [9, с. 73]. Надо подчеркнуть, что необходимость открытия российского представительства в Индии диктовалась не только причинами экономического характера. Царскому правительству нужен был надежный и постоянный источник информации о планах и действиях англичан на огромной территории от берегов Индийского океана до просторов Великой степи. Характерно в этом отношении инструктивное письмо главы внешнеполитического ведомства России первому консулу в Бомбее. В нем обращалось внимание на то, что прилегающий к Британской Индии Афганистан должен находиться в поле деятельности консульства: «Афганистан имеет для нас (России) первостепенное значение, а потому вам надлежит принять все зависящие меры к тому, чтобы быть возможно обстоятельнее осведомленным о том, что в этом ханстве происходит» [9, с. 74].

Настороженность британской администрации насчет возможного усиления позиции России в Индостане имела свои основания. Это могло быть осуществлено, как считали в Лондоне, через пограничные страны, главным образом Афганистан и Центральную Азию. Здесь столкнулись два встречных потока экспансии. Оба государства — Россия и Великобритания — вели в Среднеазиатском регионе колониальную политику, опасались друг друга, стремились избежать прямой конфронтации, искали пути и способы мирного сосуществования в сферах своих интересов, но вместе с тем оставляя для себя «свободу действий» для реализации этих же интересов. Именно так подытоживалась дискуссия в британском парламенте: «При всех обстоятельствах Англия стремится сохранить полную свободу принимать все меры, какие может найти по отношению к важному вопросу, затрагивающему

интересы в Индии» [11]. Что касается английской политики на Среднем Востоке, там же в стенах парламента согласились: «Нужно вести, обязаны только так, чтобы иметь наблюдение за правительством Афганистана» [11].

Известно, что со времени прибытия в Ташкент в ноябре 1867 г. Константин Петрович фон Кауфман как первый генерал-губернатор Туркестанского края активно включился и лично руководил вопросами сношений с соседними бекствами и ханствами. Он же получал из Санкт-Петербурга официальные установки и информации касательно политического курса империи в международных делах. В течение 1869—1870 гг. Ташкент получал ряд доверительных сведений от Азиатского Департамента России по отношению к политике правительства Лондона. В письме от 1 ноября 1869 г. К.П. фон Кауфману сообщалось, кстати, по поручению Государственного Канцлера, о происходящих в Петербурге «объяснениях по среднеазиатским делам с господином Д. Форситом из Лондона, а именно по двум: военно-политическому и торговому» [12]. Далее директор Азиатского Департамента поясняет, что между Россией и Англией «необходимо дружеское соглашение», господин Форси с этим согласен. Он как человек отлично знающий Восток и азиатцев считает, что всякий успех афганского правителя в расширении своих владений за счет Бухары мог бы иметь столкновение с Россией. Поэтому Англия не будет позволять афганскому правителю расширять свои границы к северу. Со своей стороны Россия употребит свое влияние на счет Афганистана. Но Петербург считал, что «история военных действий последних лет заставляет нас быть постоянно наготове и ожидать такие события, которые совершенно противоречат нашим предложениям и желаниям» [13].

В этой же информации из Петербурга сообщалось, что статья соглашения с Форситом касается и Кашгарии. Россия не имеет намерений завоевания этой страны, сохранит с нею торговые отношения, но не может ныне признать Якуб-бека независимым владельцем Кашгарии, в особенности из-за непризнания его Китаем. Тревожащее Якуб-бека русское укрепление не имеет вовсе завоевательного характера: оно построено на верховьях Нарына, а весь бассейн

этой реки является российским владением в силу трактата с Китаем от 1860 г., заключенного до отпадения Кашгара от этой империи [14]. Такова была позиция Санкт-Петербурга по отношению к власти Якуб-бека, объявившего себя эмиром Кашгарии, создавшего там военно-теократическое государство [8, с. 111—112]. Известно, что Якуб-бек был родом из Туркестанского края. В апреле 1872 г. военный губернатор Сыр-Дарьинской области генерал-майор Головачев обратился к фон Кауфману с рапортом о том, что житель Кураминского уезда просит разрешить выезда из Кашгарий семье Якуб-бека: жена, 8-летняя дочь, сын и 4 человека прислуги — «киргизская женщина и 3 киргиза» [15].

Разрешение было дано. Кроме того, из казны Сыр-Дарьинской области выдано 150 рублей денег семье Якуб-бека [16]. По пути следования жене и детям Кашгарского правителя оказывалось доброе внимание: надлежащий прием, угощение и подарки. Так было в июне 1872 г. в Токмаке, о чем уведомил уездный начальник Туркестанского губернатора, извещая о расходах в сумме 42 рублей 70 копеек [17]. На Нарынском укреплении на прием семьи Якуб-бека истрачено было 16 рублей [18].

По-видимому, мотивами политики лавирования по отношению к власти Якуб-бека объясняется и отказ Санкт-Петербурга на прошение дунган из Илийского края принять их в российское подданство. Об этом говорилось в письме из Азиатского Департамента, полученном походной канцелярией К.П. Кауфмана в Казалинске 7 августа 1872 г. В последующие годы с Кашгарией установились отношения, говоря словами Якуб-бека, «приязни и преданности, любви и единодушия, никакой силы всесокрушающего времени и превратных обстоятельств» не могут их нарушить. Столь же дружелюбным был ответ российского императора [19].

Азиатский департамент информировал Ташкент 19 декабря 1869 г. о сношениях с Кашгарским владельцем Якуб-беком относительно вопросов заключения торговой конвенции. Но положительного ответа от Якуб-бека не последовало. Причина, считали в Санкт-Петербурге, в том что «Якуб-бек действительно заискивает у англичан, покровительствуя их торговле». Далее

указывалось: «Что касается до распространения власти Кашгарского правителя в Западный Китай, т. е. к северу от Тянь-Шаньского хребта, то обстоятельство это еще крайне сомнительно. При совершенном безначальи, существующем теперь в Кульдже, Кашгарскому владетелю было бы и не трудно распространить свою власть в эту сторону. Но едва ли он так скоро решится удалиться от своей резиденции», — предполагали в Петербурге [20].

Внимательный анализ прений в английском парламенте 8 мая (26 апреля) и 15 (3) мая 1874 г. а по выработке британской политики в Центральной Азии позволяет сделать вывод, говоря словами одного из лордов английских: «Интересы Англии и России совершенно тождественны, и что лучшее средство для них их поддержания — это взаимное доверие и взаимное соглашение» [11]. Не углубляясь в искренность этой позиции, заметим, что со стороны царского правительства были встречные заверения о готовности к сотрудничеству. Они закончились в последующем подписанием англо-русской конвенции 1907 г. Этот документ завершил более чем 30-летнее соперничество между двумя империями. Цена конвенции — российские выгоды по черноморским проливам, а также «успокоить тревоги Англии и избежать нежелательных и опасных трений». «Для достижения соглашения с Англией можно было даже отчасти поступиться стратегическими соображениями, которые, быть может, связаны с афганским вопросом», — так сказал царский министр финансов Коковцев на особом совещании 14 апреля 1907 г. [1, с. 55]. Подписанием названной выше конвенции началось политическое и военное сотрудничество Англии и России на азиатской почве, осуществление «принципа торгового равноправия» двух держав в Афганистане. Однако в полной мере реализоваться монопольным интересам не было суждено. Афганистан со временем сделался опасным очагом воинствующего панисламизма, а также контрабандной поставки оружия в Среднюю Азию. Об этом подробно говорилось в меморандуме российского МИД в 1912 году [1, с. 64].

Таким образом, борьба двух империй за Среднюю Азию, продолжавшаяся около 40 лет, завершилась соглашением между ними. Правда, без учета национальных интересов этого региона.

Список литературы:

1. Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана // Красный архив. — 1925. — № 3 (10). — С. 54—66.
2. Военная энциклопедия. Т. II. СПб. 1911.
3. История СССР. Том II. Россия в XIX веке. — М., 1949.
4. История XIX века / перевод с французского; под ред. академика Е.В. Тарле. — Т. 7. — М.1939. — 639 с.
5. История XIX века / перевод с французского; под ред. академика Е.В. Тарле. — Т. 8. — М.1939. — 564 с.
6. Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867 гг.). Сборник документов и материалов. — Т. 2. — Алма-Ата, 1964. — 570 с.
7. Куропаткин А. Кашгария. Историко-географический очерк страны. — СПб., 1879. — 443 с.
8. Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. — Алма-Ата, 1988. — 224 с.
9. Исмаилов А.И. Страницы истории Южного Казахстана. — Шымкент, 2003. — 170 с.
10. Недзвецкий В. Военные средства Британской монархии // Военный сборник». — СПб., 1894. — Т. 208.
11. Прения в английском парламенте по среднеазиатскому вопросу. // Туркестанские ведомости. — № 90 от 11.06.1874.
12. Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз.), Ф.И.-1, оп.34, д.12, л.л.11—32.
13. ЦГА РУз., Ф.И.-1, оп.34, д.12, л.11.
14. ЦГА РУз., Ф.И.-1, оп.34, д.12, л.л.12—14.
15. ЦГА РУз., Ф.И.-1, оп.34, д.12, л.л.3—7.

16. ЦГА РУз., Ф.И.-1, оп.34, д.12, л.8.
17. ЦГА РУз., Ф.И.-1, оп.34, д.12, л.7.
18. ЦГА РУз., Ф.И.-1, оп.34, д.12, л.15.
19. ЦГА РУз., Ф.И.-1, оп.34, д. 161, л.10, д.213, л.л.2—3.
20. ЦГА РУз., Ф.И.-1, оп.34, д.12, л.19 об., 26, 26 об.